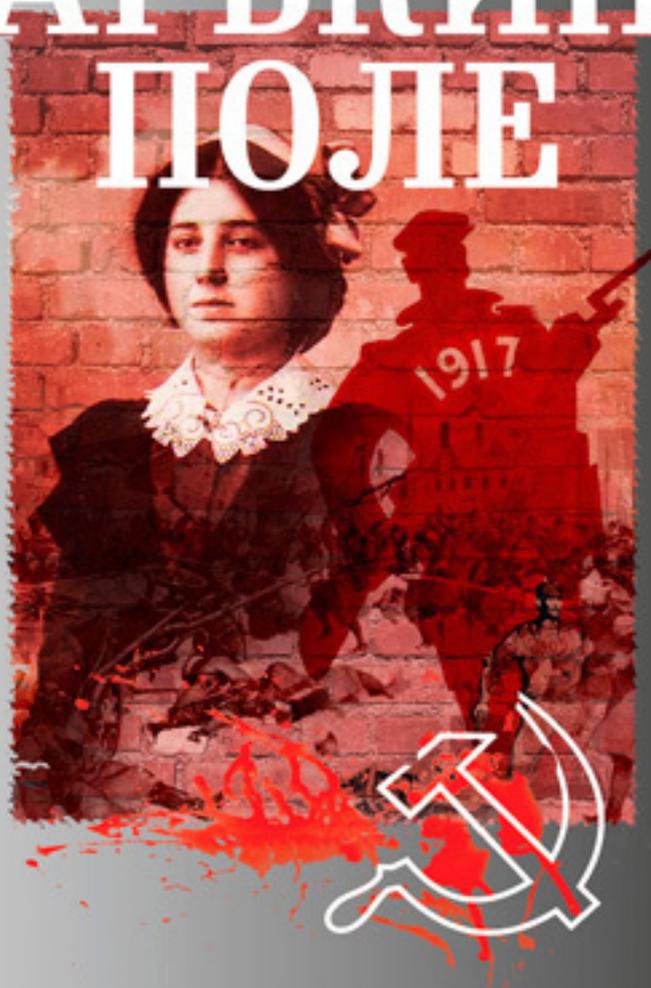

ВИКТОР
БЫЧКОВ

ВАРЬКИНО ПОЛЕ

Виктор Бычков

Варькино поле

«Accent Graphics communications»

2012

Бычков В. Н.

Варькино поле / В. Н. Бычков — «Accent Graphics communications», 2012

Кровавым, страшным катком прошлась революция 1917 года по судьбе дворянского рода Авериных – истинных патриотов Родины, которые пали жертвой смутного времени. Судьба главной героини шестнадцатилетней Варвары Авериной – как яркий пример ужасающей несправедливости, жестокости тех событий. Эта повесть о ещё одной трагической странице нашей истории. Написанная классическим русским языком, она пронизана любовью к Родине, к родной земле.

© Бычков В. Н., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Бычков

Варькино поле

– Выноси, миленький, выноси! Давай, Мальчик, дава-а-ай! – ротмистр Аверин торопил коня.

Левая, раненая в локоть рука безвольно свисала плетью. Иногда он умудрялся оглянуться назад: кони красноармейцев были свежи, и расстояние между ними стремительно сокращалось, неумолимо приближая трагический финал. Это прекрасно понимал офицер и девушка, которая чудом держалась у него на руках, намертво обхватив ротмистра. Её непокрытые длинные волосы развевались на ветру, закрывали лицо мужчине, мешали смотреть.

А конь начал сдавать: уже не бежал галопом, а скорее изображал его, ёкая требухой, с трудом выбрасывая ноги, тяжело, с шумом дышал. Всё-таки выстрелы преследователей попали в цель, ранив не только седока, но и вогнав в мышастый круп лошади несколько пуль. Одна из них прошла по касательной, вспоров правый бок животного, задев рёбра, и теперь сидит под лопаткой передней ноги, забирая у него последние лошадиные силы. Да и отдыхал конь сутки назад, и то в перерывах между боями, всего часа два, не более.

Совсем недавно Мальчику не было равных среди собратьев по его скорости и выносливости, по его не совсем лошадиному уму не только в кавалерийском эскадроне, но и во всём полку. Недаром даже полковой командир полковник Бахметьев не раз предлагал Аверину Алексею Ильичу поменяться лошадьми, обещая взамен не только своего Мустанга, но и пять червонцев золотом, и дюжину бутылок французского шампанского из личных запасов в придачу. Вот только ротмистр не мог расстаться с лошадыю.

– Друзьями, Вениамин Павлович, не торгуют! Тем более, такими преданными, как мой Мальчик.

И полковник отступал в очередной раз перед железным аргументом подчинённого, но надежду не терял. Не мог поверить истинный знаток и ценитель лошадей в настоящую, почти человеческую, одушевлённую, осмысленную дружбу человека и животного. Уж кто-кто, а он-то знает не понаслышке о взаимоотношении кавалерийской лошади и всадника. Сам всю жизнь в седле. Чего тут нового? Ну, обучить; ну, приручить к себе; ну, джигитовка... И всё! Да, конь иногда бывает очень хорошо прирученным своим хозяином на уровне инстинктов. Зачастую вот эти отлично выработанные животные инстинкты некоторыми творческими натурами, далёкими от жестоких реалий, воспринимаются как преданность коня человеку. А то и возводятся ими в такие чувства, как истинная дружба. Всё это понятно для обывателя. Чего только не может зародиться в человеческом мозгу?! Какого только бреда, какой околесицы не наслушаешься от иных впечатлительный, тонких творческих натур?! Но не до такой же степени, как у эскадронного с Мальчиком?! Это уже чересчур. Это не укладывалось в голове командира кавалерийского полка.

Однако он, ротмистр Аверин, знал, что говорит. Впрочем, об его отношении с конём в полку ходили легенды. Обросшие людской молвой, а то и просто домыслами, они не всегда, возможно, соответствовали истине, действительности, но в одном были точны: эта пара – человек и лошадь – понимали друг друга, были единым целым не только в повседневной жизни, но и в бою. Да и преданность лошади хозяину вызывало у сослуживцев – товарищей, командиров и подчинённых – неподдельное восхищение животным, вознося его в разряд существ обожествлённых, мыслящих.

Потомственный дворянин двадцати шести лет от роду, офицер в отставке Аверин Алексей Ильич вернулся в полк добровольцем вначале шестнадцатого года, успев принять участие в военной компании против немцев на фронте.

Прибыл не один, а с конём, со всей амуницией. И сразу же покорили сослуживцев. И было чему удивляться боевым товарищам-кавалеристам.

Мальчик мог часами терпеливо ждать своего седока, пока тот не проиграется в пух и прах в «Фараона», или как называли эту же игру в кавалерийском полку – в «Штосса». Причём, ждал не у коновязи, не на привязи, как иные лошади, а свободно разгуливал у стен полкового лазарета, где офицеры играли в карты, то и дело заглядывая в занавешенные окна. Коню чужды были удила, его рот не знал железа. Он понимал хозяина без этой жестокой процедуры. Однако уздечка – этот обязательный атрибут лошадиной сбруи, обязательно присутствовала, но вторым концом был постоянно привязана за луку седла на спине Мальчика. Управлялся голосом всадника или лёгким пошлёпыванием ладошки по шее коня.

Всегда встречал эскадронного командира после игры в карты радостным ржанием с нотками лёгкого укора.

– Ну-ну, не бранись, парень, чего уж. Так получилось, – оправдывался перед лошадьё ротмистр. – Этот божий одуванчик отец Павел опять мухлевал, как последний одесский биндюжник. Вот же сволочь! А ещё священник полковой... Вот и... – офицер хлопал для наглядности по пустым карманам, разводил руками. – А я как не пытаюсь поймать этого мошенника за руку – ускользает, как угорь. Скользкий, зараза... Но я обязательно подловлю его в следующий раз.

Конь стоял рядом, понимающе кивал головой, будто сочувствовал, тихонько ржал, от нетерпения рыл копытами землю.

Прощённый и понятый другом, ротмистр чёртом влетал в седло. Тотчас Мальчик без понукания делал почти вертикальную «свечку», с места брал в карьер, стлался по-над землёй, уносил незадачливого игрока на окраину уездного городка, где эскадронный снимал квартиру у пожилой супружеской пары.

В первые дни пребывания в полку офицеры не верили в такую, почти человеческую преданность лошади своему хозяину, и поэтому пытались поймать коня, переподчинить его кому-то другому, доказать этому зарвавшемуся ротмистру-врунишке, что животное – оно и есть животное. А всё остальное – враки, плод нездоровой фантазии некоторых оторванных от действительности особ дворянского роду-племени.

Предпринимали попытку поймать лошадку и не раз. Но она не давалась. И даже когда привлекли отделение солдат, Мальчик смог уйти от людей. От людей ушёл, но кружил рядом с лазаретом, ждал хозяина. Однако, когда его в очередной раз обложил взвод кавалеристов под руководством полкового коновала-мастера, с верёвками, с кнутами, лошадь не сразу далась в руки и вела себя совершенно непонятно людям. Видимо, понимая, что с ней затевают какую-то игру и что обложена со всех сторон, она не уходила, не пыталась скрыться, а молча стояла, ждала, пока солдаты подойдут ближе, лишь наклонила голову к земле, предостерегающе фыркала. В какой-то момент, когда бойцы уже были в пяти-шести саженях от Мальчика, он вдруг взвился на дыбы и смело бросился на людей! Но не с целью прорваться сквозь цепь, уйти. Отнюдь! А сбивал грудью, кусал зубами, становился на дыбы, бил противника передними ногами, не упуская возможности пройти по человеческим телам и задними подкованными копытами. Он дрался! И не убегал! Вот что было поразительным: лошадь не убегала! Дралась! Казалось бы, прорывай людское кольцо и полная свобода... Однако, не тут-то было! Мальчик оставался и будто играл с людьми. Подыгрывал им в этой нешуточной затее-потехе, очередной раз давая повод для людского удивления.

Но и солдаты вошли в раж! Поймали-таки, накинув на шею петлю, и несколько человек крепко держали верёвку, некоторые – ухватили за уздечку, повисли на ней. И конь вроде как смирился. Хотя попытки освободиться предпринимал не раз. Но и уходить со своего поста у лазарета не собирался. Видимо, поняв, что попал основательно, Мальчик со всех четырёх пал на землю! И никакие крики, удары кнута не смогли поднять его с земли. Не заставила встать

на ноги, подчиниться чужой воле лопнувшая от кнута и кровоточащая в нескольких местах шкура на лошадином боку! Даже когда солдаты неимоверными усилиями воткнули-таки удила в пасть коню, и потом рвали железом по-живому, до крови лошадиные губы, он не встал!

Так никто и не смог сесть тогда в седло. И люди поверили в «нелошадиные» качества животного, и вынуждены были отступить...

Не знал Мальчик, что его хозяин ротмистр Аверин таким образом выиграл в споре не один ящик шампанского и вернул обратно ранее просаженные в карты деньги. И только после того, как Алексей Ильич как-то вечером во дворе квартирной хозяйки пьяно плакал, лез целоваться, становился на колени пред конём, а потом выливал выигранное в оскорбительном для преданной лошади пари вино на землю, в ярости бил бутылки, коня оставили в покое.

А потом были бои. Страшная рубка! Сначала с немцами. Затем Россия сошла с ума и уже дрались свои со своими... Русский пошёл на русского... Христианин на христианина.

В лаве Мальчик шёл чуть впереди всех лошадей, вёл за собой в атаку, как и положено по Кавалерийскому уставу боевому коню командира эскадрона. Бывало, что в этой смертельной гонке стлался на пределе лошадиных сил, но первенства не уступал! По уставу и по статусу не положено быть вторым. Первым! Только первым!

Влетал в ряды противника, вступал в бой наравне с хозяином. Всадник никогда не держал уздечку, его руки были свободны для сражения. Не было необходимости управлять конём. Он сам знал, что и как надо делать в сабельном бою.

Конь чувствовал каждое движения седока, угадывал малейшие его желания, намерения.

Чуть отводил голову в сторону, когда видел боковым зрением револьвер хозяина. Из галопа тот час переходил на резвую, размашистую рысь, не сбавляя скорости. Мах его продолжал быть мощным, но уже становился предельно ровным, без излишних рывков, дающий возможность всаднику хорошо прицелиться.

Прижимал уши, если между ними на голову ложился ствол кавалерийской винтовки, направляя себя именно туда, в какую сторону было касание ствола. Выстрела не пугался, потому, как был заранее приучен к нему и ждал его после прикосновения оружия.

Но уж когда всадник обнажал саблю, Мальчик одному ему ведомым чутьём определял противника, выбирал его сам и смело бросался в бой! В этом ему полностью и безоговорочно доверял эскадронный Аверин.

Во время схватки конь кидался на врага, сбивал грудью лошадь противника, бил её копытами передних ног. Но чаще всего хватал вражеского всадника зубами, стаскивал с седла. А то и сильным, неожиданным движением головы сбрасывал его на землю. Противник в пылу боя интуитивно всё внимание заостряет на всаднике, а тут конь проявляет вдруг такие бойцовские качества! Ротмистру только и оставалось грамотно пользоваться саблей или стрелковым оружием.

Иногда нарывались на достойных противников, о чём свидетельствуют не один шрам от удара саблей на его шкуре, да и полковой ветеринар не единожды извлекал из тела боевого коня вражеские пули. И всаднику доставалось сполна. Однако, Господь миловал, из боя выходили живыми. Пока... Что будет сегодня, вот сейчас – одному Богу ведомо...

Красные нагоняли. Всё явственней слышен топот погони, всё неотвратимей ощущалось приближение трагической развязки. Всё труднее и труднее Мальчику удерживать темп, всё тяжелее и тяжелее выбрасывать ноги, всё сильнее и сильнее боль под лопаткой правой передней ноги, всё меньше и меньше остаётся лошадиных сил...

Глава первая

– Варенька, Варенька приехала! – шестилетний Серёжка вбежал в мамину спальню, запрыгал на одной ножке. – Мама! Мама! Варенька приехала! Сестричка моя любимая приехала! Вот что она мне привезла! – ребёнок гордо размахивал игрушечной сабелькой, с завидным мастерством для своего возраста поражал невидимого противника.

Хозяйка имения Евгения Станиславовна Аверина отложила в сторону книгу, не забыв ещё раз взглянуть на номер страницы: она не любила закладок, а уж загибать листы тем более не любила.

Барыня ожидала приезда дочери из Смоленска именно сегодня – 11 июня 1918 года. Накануне Варенька умудрилась переправить записку с оказией: почта так и не наладила работу к этому времени.

В записке она поведала, что задержится в кавалерийском полку у брата Алёши.

После октябрьского переворота семнадцатого года Алексей съехал с квартиры на окраине уездного городка, поселился в гарнизоне в казармах. В городе стало небезопасно для командиров: были случаи, когда неизвестные нападали на военных, особенно офицеров, избивали, разоружали их, а то и убивали. Применять оружие по обывателям в таких случаях категорически запрещало полковое начальство, но и жить так дальше было нельзя.

Ещё с зимы гарнизон в уездном городке не принял предложение новых властей о переходе на их сторону, оставался преданным воинскому долгу, военной присяге, Временному правительству. Красные несколько раз грозились силой овладеть гарнизоном, разоружить кавалерийский полк, но после длительных и безуспешных переговоров отступали. Правда, несколько служивых из нижних чинов перешли на сторону красных, но это количество – восемь человек – не сказалось на боеготовности и боевых возможностях кавалерийского полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.